

Когда этих клавиш коснется рука...

АЛЕКСЕЙ МОЩЕНКОВ

Композитора-виртуоза Левона Оганезова знает весь мир. В жизни и в творчестве маэстро не ищет легких путей, он давно уже себе все доказал, а посему позволяет роскошь говорить то, что думает. Не заботясь о произведенном эффекте и оставаясь предельно честным и искренним прежде всего перед собой... А его юмор, душевная щедрость и умение рассказывать анекдоты делают Левона Оганезова центром любой компании. Наш корреспондент побывала в гостях у музыканта.

- Левон Саркисович, у вас дома чувствуются какая-то удивительная легкость и воздушность во всем. Кстати, а вы - коренной москвич?

- Я вырос в большущем деревянном доме в Перове, где было очень много комнат. Перово во времена моего детства было вроде бы городом, но в то же время уже его окраиной. У нас был огород, сарай, турник, вокруг дома росли всякие фруктовые деревья. В доме жили три семьи. Соседи были ближайшими друзьями. Были ближе, чем родственники. Вместе проводили застолья, занимали друг у друга соль, тарелки, всячески участвовали в жизни друг друга.

Мой отец был превосходным мастером по коже. Когда семья в двадцатом году переехала из Грузии в Самару, то отец вместе с двумя братьями сумел наладить там производство обуви. А поскольку мастер он действительно был первоклассный, то дело у него быстро пошло, и ему даже удалось открыть свою обувную фабрику и прилегающий к ней магазин. Но понятие «фабрикант» для советского человека долгие годы было диким. Советский человек не понимал, что имеющий свою фабрику - это абсолютно подневольный человек. Что наличие собственной фабрики - это рабский труд, причем с утра до вечера. Вот тот, кто не имеет фабрики, - он свободен, он лучше живет, чем тот, кто ее имеет! Если фабрику правильно содержать, конечно. Это мы лишь сейчас начинаем подходить к пониманию ответственности, потому что чувство собственности у нас было долгие годы кастрировано. В СССР считалось, что иметь собственность - стыдно.

Я же, как сын фабриканта, всегда ощущал, что в нашей стране собственность иметь не стыдно, а страшно. Между тем люди, которые что-то имеют и способны заработать, они, в основной своей массе, - люди щедрые. Я был так воспитан, что если у меня что-то есть, то я всегда этим должен поделиться. И не только потому, что один столько не выпью, не съем, не надену, а потому, что... вдвоем веселее. Я - вовсе не комсомолец, который мечтает все отнять у богатого и отдать бедному. Я как раз против подобного «дележа». Пусть бедный научится сам зарабатывать. Но поделиться со своими друзьями мне не жалко, и у меня всегда к этому есть естественный позыв. Вот и мой папа был такой же. Я помню, что наша семья никогда в жизни без чужих людей не садилась за стол, хотя у нас была очень большая семья. Всегда приходили приятели, соседи, знакомые. И им в нашей семье были рады.

- Когда вы серьезно начали заниматься творчеством?

- В четыре с половиной года меня отдали в музыкальную школу для одаренных детей. Там все были «красавцами, талантами и поэтами». В том смысле, что все занимались музыкой, и я, естественно, тянулся за лучшими. Чувство «солиста» должно воспитываться с младенчества. Человеку надо дать шанс, помочь поверить в себя, помочь раскрыть дарование, заложенное в каждом Богом. Ну а уж если не получится взлететь, то тогда... можно ходить «как все».

- Очень стильный интерьер вашего дома - это ваше творчество или творчество супруги?

- Все, что здесь сделано, - сделано наско-ро. Мною и моей супругой. Но у меня жена - не «бобр». В том смысле, что она не из тех женщин, которые в любом месте будут строить плотину. Она может из готовых кубиков создать уют. Но вот кубики она создавать не умеет. Их создаю я.

Мы с супругой познакомились случайно, причем в общественном транспорте лет тридцать шесть тому назад. Мой внутренний голос подсказал, что «вот эта женщина может быть твоей женой». Она вышла за меня замуж, потому что я ей это предложил. Причем даже не спросив, нравлюсь ли я ей. Втайне надеюсь, что сейчас я ей нравлюсь.

Так вот, единственное, что есть по большому счету ценного в этом доме, - это рояль. Но унести его невозможно, поэтому мне за него не страшно. Правда, для рояля существует другая угроза: у нас большое окно, а под окнами протекает Москва-река. Это означает, что в квартире большая влажность. Поэтому я рояль держу в чехле. Это уже третий по счету инструмент. Он мне очень дорог.

Дорого мне и фото Андриуши Миронова, которое висит на стене и которое он мне сам подарил. Мы много работали вместе, я ему аккомпанировал, ездили на гастроли и практически не расставались последние пять лет его жизни.

В этой квартире иногда собираются мои молодые друзья-музыканты из оркестра, которые меня называют «папа». Все они хорошо ко мне относятся, и я с ними дружу. Дружу я и с Аркашей Аркановым. Он мне звонит и иногда читает по телефону повести. Вот на днях позвонил и прочитал очередную эпиграмму.

- А вот интересно, какую музыку вы, профессионал, предпочитаете слушать сами? Или в свободное время вообще ничего не слушаете и отдыхаете?

- Да Бог с вами! Я просто обязан слушать музыку. По работе я обязан слушать много всякой музыки, так как должен делать аранжировки. Это обязательное слушание. Но для себя я с удовольствием могу послушать и джаз, и рок-музыку. Я люблю отдельных инструменталистов. Например, когда играет какой-нибудь виртуозный гитарист... Или кларнетист. Я люблю очень старую музыку, XVII - XVIII века. Я люблю клавиеснистов.

Я знаю много музыки, но еще больше я не знаю. Потому что все знать невозможно. То, что ты не знаешь, надо прослушать несколько раз подряд, чтобы войти в это.

- Есть ли у вас ученики?

- Это большой вопрос. Я бы хотел взять несколько учеников и с ними заниматься, потому что есть что рассказать и что показать. Но я не могу заниматься в своей профессии чем-то поверхностно. Если я этим займусь, то всерьез, а это отнимет непозволительно много времени.

- А среди бардов у вас есть друзья?

- С уважением отношусь к любому жанру, но этот жанр мне совсем не нравится. Я люблю хорошую поэзию. Но повторяющиеся слова, звучащие, как заклинание, - это упрощенный вид воздействия на сознание. Мне нравятся интеллектуальные стихи, интеллектуальные поэты. И если это романтик, то тогда пусть он будет таким, как Кюлев.

- Или Пастернак...

- Мне, кстати, не очень нравятся стихи Бориса Пастернака. Хотя у этого мастера есть несколько вещей, перед которыми можно просто снять шляпу.

- В каких случаях вы испытываете стрессы?

- Если я перестаю ощущать себя в своей профессии. Если не чувствую себя участником процесса, то у меня может наступить не просто стресс, а серьезный кризис. И тогда мне вообще ничего не нужно...

- Что бы вы могли пожелать молодым композиторам?

- Любимый человек может сочинить мелодию. Вы, например, тоже можете сочинить. Но это вам Бог ее послал. Я бы пожелал им почаще задумываться над тем, что они сами сделали с этой мелодией?

Елена КУРБАНОВА.